

Киев, 20 ноября 1940 года.

1910 Л. Н. Т О Л С Т О Й 1940

Что отражало зеркало

Яков ГОРОДСКОЙ

Если неправ обыкновенный человек — резонанс его ошибки мал и негромок. Неправота гения — попросту опасна, ибо она урождает сознание многих, вовлекая в порочный круг целые слои общества. Б. такого рода явления и принадлежала толстовщина — горькая ошибка гениального художника Льва Толстого.

Толстой был воинствующим в своей неправоте. И тем более нужна была сила, которая мужественно показала бы заблуждения великого писателя земли русской. Когда Толстого посетил Владимир Галактионович Короленко, человек иного пути, во многом несогласный с Толстым, — Лев Николаевич властно заговорил, обращаясь к окружающим: «Да, да... Я действительно больше и малое... и все детали. Вот пришел Короленко... Он был в Сибири... И теперь пришел и что ему нужно, и что он хочет у меня спросить?»

Короленко тогда смутился и промолчал. Сказать полную правду о Толстом было под силу целым поколениям общественных деятелей, критиков и литераторов. Для этого нужна была особая вышка. Этой вышкой и являлся марко-ленинская наука. Бесстрашно, истощившее слово о Толстом сказал гений революции, вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин.

Ленин всегда высоко ценил художественный гений Толстого. Автор «Войны и мира», «Анны Карениной» был одним из самых любимых писателей Владимира Ильича. В дни революционной борьбы, в ссылке, за границей, в годы руководства советским государством всегда находил Ленин время для чтения бесмертных художественных страниц Толстого. Об этом ярко свидетельствуют Н. К. Крупская, Максим Горький, многие современники. С волнением смотрел он на Толстого.

Язык Толстого был для него примером глубины и точности. Когда в давние, предреволюционные годы один из периферийных комитетов социал-демократической партии в своей прокламации допустил упрощенную и нетактичную оценку Льва Толстого, Ленин протестовал против «суздальского отношения» к гениальному писателю. В первые грозные годы Октябрьской революции Владимир Ильич не забыл сделать указания о сооружении памятника Толстому, о выпуске книг Толстого — академическом и массовом.

Однако, Ленин отлично видел в Толстом не только величие художника, но и слабость проповедника. В дореволюционный период Ленин выступил с рядом статей о Толстом — и эти статьи являлись

жемчужинами в сокровищнице ленинизма. Именно Лениным показан «Лев Толстой как зеркало русской революции».

«Толстой смешишь, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, вредных как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».

Толстовство было препятствием на пути трудовых масс к революции. Половина — вторая часть солдатских восстаний 1905—1906 гг. показывает это лучше всего. И Ленин выражает непоколебимую уверенность в том, что демократические массы крестьянства, утратившие прошлое, будут выдвигать отряды испитанных бойцов, которых уже не собьет с пути исторический грех толстовщины.

Откликаясь в 1910 году на смерть Льва Толстого, Ленин сказал о нем: «Эпоха подготовки революции в одной из стран, приправленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

Ленин убедительно показал, что правильно оценить Толстого может лишь революционный пролетариат. От святейшего синода до меньшевиков все остальные могли только юлить, проливать крокодильи слезы и вздыхать о Толстом, как о «великой совести». В наследии Толстого многое принадлежит рабочему классу, он берет это наследие по праву.

«Он, — говорит Ленин, — разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение Толстовской критики государства, церкви, частной земельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самосовершенствованием, и воздыханием о божьей жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения

нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам Толстовскую критику капитализма — не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждый шаг своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились спланировать в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком».

Нельзя без волнения читать эти огненные пророческие слова. В 1917 году они исполнились, народ, руководимый Лениным и Сталиным, победил, победил навсегда.

В других статьях Владимир Ильич, в связи с вопросом о Толстом, выдвигал задачи тогдашнего рабочего движения. Он подчеркивал, что критика Толстого не пошла, что и другие мыслители и писатели высказывались в плане этой критики капиталистического строя. Но Толстой делал это, во-первых, с исключительной силой гения, а во-вторых, в условиях крестьянской страны. Тем самым он отразил ломку взглядов широчайших народных масс России. «Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого». Ленин же доказывал, что рабочему классу есть против чего протестовать, но вовсе не в чем отчаиваться. Ленин звал к борьбе, к грядущей победе социализма.

С особенной остротой и презрением обрушивался Ленин на героев «оговорочки», на псевдо-марксистов типа Базарова и Потресова, мешавших рабочим правильно понять значение и роль Толстого. Ленин разоблачал их попытки павязать рабочим «своего Толстого», попытки доказать будто Толстой «сумел найти синтез». Соглашатели договаривались до принятия «чистого человеческого религии» Толстого. Ленин приговаривал эти вреднейшие теории к позорному столбу.

Работы Владимира Ильича ускорили исторический конец толстовщины в России. Одновременно эти работы определили всю мощь художественного гения Льва Толстого, все его значение как зеркала русской революции. Мысли Ленина о Толстом чрезвычайно важны для нас и сегодня они помогают уяснить прошлое, учат умению использовать оружие художественного творчества в современной борьбе за окончательную победу коммунизма.

Великий патриот

Лев Толстой лично участвовал в защите Севастополя, не раз рисковал жизнью, с огромным воодушевлением говорил о силе духа, о мужестве русского солдата. Писатель не был бесстрастным наблюдателем севастопольской эпопеи. Он писал кровью сердца, нервами, душой своей.

До Толстого в русской литературе, точнее в батальной литературе (посвященной войне), господствовали традиции Марлинского. Войну рисовали в розовых красках. Она была не то священнодействием, не то праздником. Бодро звенели литавры, сверкали кивера, и женщины «в воздух чепчики бросали» от умиления...

Лев Толстой показал оборотную сторону военной медали. Грязные окопы, вовсе не веселый свет пули, и над всем этим — бездарное царское руководство, выходящие из карьеры — высшее офицерство... На бастионах Севастополя вы «увидите ужасные, потрясающие душу зрелища: убитые войну не в правительственном и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развешенными знаменами и гарнитурами генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...»

Толстой подчеркивает все величие русских героев. Острая наблюдательность, умение проникнуть в глубочайший, сокровеннейший смысл событий, реалистическое мастерство — вот, что отличает писателя в «Севастопольских рассказах».

29 ноября 1854 года Лев Толстой писал брату, Сергею Николаевичу: «Рота марьяков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами. Солдаты вырывают трубки из бомб. Женщины посят воду на бастионы для солдат»... Не

смотря на превосходные силы союзников, Толстой добавляет: «Только наше войско может стоять и побеждать, (мы еще победим, в этом я убежден) при таких условиях».

Эти заметки, свидетельствующие о глубоком чувстве патриотизма писателя, для Толстого типичны. Он сам говорил, что перевелся из Киплинева в Крым «больше всего из патриотизма». Это чувство облетает писателя и его севастопольских героев, вдохновляет на создание замечательных произведений.

«Севастополь в декабре месяце» появился в шестом номере журнала «Современник». В примечании было сказано: «Редакция «Современника» считает себя счастливой, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса, и притом написанные тем писателем, который возбудил в себе такое живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей русской публике...»

Когда Тургенев ознакомился с рассказом, он пришел «в совершенный восторг». Он писал, что «статья Толстого о Севастополе — чудо», что он «пролежался, читая ее, и кричал ура!». Высоко оценил «Севастопольские рассказы» и великий революционер-демократ Николай Гаврилович Чернышевский. Он особенно подчеркивает мастерский психологический анализ, подробно разбирает ряд эпизодов, в частности, предмертвие переживания Паскушина.

«Прошло около ста лет со времен севастопольской трагедии. Она показала многие черты героического русского народа, увековеченные в рассказах Толстого».

М. ГУСТАВЦЕВ.

Учитель мировой литературы

Л. ВЕНГЕРОВ

Произведения Пушкина, Тургенева, Достоевского уже проликали на Запад и вызвали там восторженные отклики. Но первый грандиозный триумф русской литературы за границей связан с творчеством Льва Толстого. В его лице русская литература перешагнула национальные границы, и русский писатель впервые приобрел мировое имя, стал признанным учителем и руководителем писателей мира.

Кризис западного реализма и насущная потребность в высоко-идейном искусстве явились благодарной почвой для влияния Толстого на развитие западно-европейской литературы. Обаяние личности писателя еще более увеличивало его влияние.

Творчество Толстого приветствовали на Западе самые разнообразные общественно-литературные группы. Великий Флобер, читая Толстого, топал ногами от восторга и восклицал своим громовым голосом: «Да это Шекспир! это Шекспир!». Молодой Роллан нашел в «Войне и мире» глубину содержания, человечность и реализм и называл толстовскую эпопею «книгой-оркестром».

Огромное прогрессивное влияние оказал Толстой на писателей, которые боролись против декадентства и выступали против бездельного и беспринципного искусства. Имя Толстого ставилось для этих писателей знаменем сурового реализма, писательской честности и высокого гуманизма. У Толстого они учились тенденциозному и активно отражающему действительность искусству, учились искренности и гению.

Они учились в выступлениях Толстого и то, что он осуждал только буржуазное искусство, служившее интересам привилегированных богатей, и ориентировало искусство на служение народу, на большие жизненные вопросы, на идеи, понятные и близкие всему трудящемуся народу. Гуманности поняли, что Толстой возмущает искусству его критическую и вместе с тем его этическую, воспитательную функцию, и эта мысль стала ведущей нитью их эстетики и творчества.

Умерший в 1910 г. замечательный французский реалист Жюль Ренар с большой силой изображает распад буржуазной семьи, невозможность для ребенка буржуазной семьи реализовать свои душевные порывы, свою потребность в нежности и любви («Рыжик»). Природа у Ренара более человека, чем люди, а крестьяне в лохмотьях обладают большим человеческим достоинством, чем состоятельные буржуа. Особенно по-толстовски звучит у Ренара разоблачение поэта, превратившего свое искусство в источник дохода («Паразит»), и апология бесхитростной и безыскусной речи.

Знаменитый датский писатель Андерсен-Нексе у Толстого научился своему неприятию компромисса, ненависти к соглашательству. У Нексе, как и у Толстого, внутренний мир бедняка, человека из народа, всегда шире и богаче, чем внутренний мир буржуа. Как и у Толстого, в гневности Нексе отчетливо выступает моральническая линия, ненависть к себе

и буржуазному укладу, уродующему человека. Горький обратил внимание также на толстовский характер картины разрушения капитализмом крестьянского хозяйства у немецкого писателя Поппеля. Толстой сочувственно оценил романы своего немецкого ученика и предпослал их переводу на русский язык свое предисловие.

Бернард Шоу восторгался в Толстом особенно тем, что из всех писателей Толстой «имеет самое уничтожающее прикосновение, когда он желает что-нибудь разрушить».

Д. Гелсуорси, по его собственному признанию, заражался у Толстого «жаждой видеть и изображать правду так, как она есть, отрешиться от морализирования, которое с давних пор является болезнью английского искусства». Гелсуорси непосредственно подражает Толстому. Его пьеса «Серебряная штатула» рисует семью, напоминающую Звездинцевых из «Плохов просвещения», его «Правосудие» показывает действие буржуазной судебной машины в плане «Живого трупа». Английский романист Т. Гарди в прямом смысле слова подражает Толстому и в сюжете, и в развитии Наполеона, и в философии истории своей поэмы «The dynastis...».

И в далекой Америке сказалось влияние Толстого на перемены реалистического искусства 90-х и 900-х годов. Роман Гюэлеса «В мире случайностей» полон спорами о Толстом и о толстовских теориях опрощения и искусства. Беспощадный реализм Толстого был воспринят в Америке как революционная сила, опасная для капиталистического порядка. В этой связи интересно замечание одного героя Гюэлеса, который говорит, что издатель «Крейперову сонату» столь же социально опасно, как и издатель книги, критикующей буржуазный строй. Писатель Гарленд, говоря об этой эпохе, пишет: «Мы ссылались на Писсена, требуя реформы театра, и мы ссылались на Толстого, требуя реформы общественных отношений».

Влияние Толстого усиливалось еще и потому, что в его творчестве писатели мира увидели возрождение большого искусства и монументального жанра. Толстой представил перед писателями Запада, как восстановитель общественно-значимого сюжета, героического действия, мощного образа, широко обобщающего тип.

После Толстого нельзя было уже писать по-старинке, игнорируя тот громадный запас новых художественных приемов, которые выдвинул его гений. Его произведения становятся школой, по которой учатся мастерству.

Творчество Толстого явилось, таким образом, новой высотой в развитии мировой литературы, высшим кульминационным пунктом в развитии критического реализма, было шагом «вперед в художественном развитии всего человечества» (Ленин, соч., т. 14, стр. 400).

*) М. Горький — «Материалы и исследования», т. 1, стр. 253.

Неизвестные страницы

Проф. В. СПИРИДОНОВ

Бесчисленные аресты, ссылки и казни, жестокая реакция, водворившаяся в России после 1905 года, потрясли Толстого. Особенно яростное впечатление произвело на него газетное сообщение о повешенных в Херсоне двадцати крестьянах. В этот день он был подавлен. 12 мая он зашел в свой дневник:

«Вчера мне было особенно мучительно тяжело от известия о двадцати повешенных крестьянах. Я начал диктовать в фоліограф, но не мог продолжать».

13 мая Лев Николаевич взялся за перо и своим размахистым почерком написал свое знаменитое «На могу молчать».

Он сказал в этот день первый набросок статьи, подвергнув его затем бесчисленным горючим переработкам. Работа продолжалась

жизнь, схватили, посадили в тюрьму, заковали в цепи, пригнали к помосту виселиц и поставили их рядом перед генералами, прокурорами и человеком с длинными волосами, в парчевой ризе и с крестом в руках. На помосте хлопотчет несчастный палач, соображая практические подробности предстоящего ему сложного дела. Более сотни таких же крестьян, как и те, которых будут вешать, только одеты в халаты, чистые сапожки и по

ного, накладывает ему двумя руками сверх колпача сколько нужно расправленную петлю и под локти вводит его на скамейку. И только что тот стал на нее, ловким движением выбивает скамейку из-под ног и сталкивает его с помоста, и тело, затянутое своей тяжестью веревку на шею, слегка покачиваясь, повисает в пустом месте перед помостом. И палач удовлетворен успехом дела и берется за другого. Тоже делается с другим, с третьим, четвертым... десятком... пятнадцатым... и, наконец, двадцатым. Начальство присутствует. И когда тела уже замерли в неподвижности, и служащий врач, обходя их, по очереди опущал их ноги и доложил начальству, что дело совершено, палач

Памяти писателя

Трудящиеся Советской Украины широко отмечают 30-летие со дня смерти гениального русского писателя Л. Н. Толстого. На предприятиях, в клубах, дворцах культуры организуются концерты и вы-

ной из радиопередач будут транслироваться отрывки из романа Л. Н. Толстого «Воскресение» в исполнении народного артиста Союза ССР В. И. Качалова (запись на голфильм). Во второй передаче, после всту-

...за границы, в голы руководители советским государством всегда находил Лепня время для чтения бессмертных художественных страниц Толстого. Об этом ярко свидетельствуют Н. Е. Круская, Максим Горький, многие современники. С волнением смотрел он пьесы Толстого. Язык Толстого был для него примером глубины и точности. Когда в лавине, предреволюционные годы один из периферийных комитетов социал-демократической партии в своей прокламации допустил упрощенную и нетактичную оценку Льва Толстого, Ленин протестовал против «сузальского отношения» к гениальному писателю. В первые грозные годы Октябрьской революции Владимир Ильич не забыл сделать указания о сооружении памятника Толстому, о выпуске книг Толстого — академическом и массовом.

Однако, Ленин отлично видел в Толстом не только величие художника, но и слабость проповедника. В дореволюционный период Ленин выступил с рядом статей о Толстом — и эти статьи явились

уже не собор с пути «исторический грех толстовщины». Откликаясь в 1910 году на смерть Льва Толстого, Ленин сказал о нем: «Эпоха подготовки революции в одной из стран, подавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества». Ленин убедительно показал, что правильно оценить Толстого может лишь революционный пролетариат. От святейшего синода до меньшевиков все остальные могли только юлить, произносить крокодиловы слезы и вздыхать о Толстом, как о «великой совести». В наследии Толстого многое принадлежит рабочему классу, он берег это наследие по праву.

«Он, — говорит Ленин, — разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение Толстовской критики государства, церкви, частной помещичьей собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоуверенством и воздыханием о божеющей жизни, а для того, чтобы они поднимались на нанесение

Сособенной остротой и презрением обрушивался Ленин на героев «оговорочки», на псевдо-марксистов типа Базарова и Потресова, мешавших рабочим правильно понять значение и роль Толстого. Ленин разоблачил их попытки павязать рабочим «всего Толстого», попытки доказать будто Толстой «сумел найти синтез». Соглашатели договаривались до прития «чисто человеческой религии» Толстого. Ленин пригвоздил эти вреднейшие теории к позорному столбу.

Работы Владимира Ильича ускорили исторический конец толстовщины в России. Одновременно эти работы определяли всю мощь художественного гения Льва Толстого, все его значение как зеркала русской революции. Мысли Ленина о Толстом чрезвычайно важны для нас и сегодня они помогают уяснить прошлое, учат умению использовать оружие художественного творчества в современной борьбе за конечную победу коммунизма.

они простояли 30 дней под бомбами. Солдаты вырывают трубы из бомб. Женщины носят воду на багнны для солдат... Не-

ше черты героического русского народа, увековечены в рассказах Толстого. М. ГУСТАВЦЕВ.

Портрет Л. Н. Толстого работы И. Е. Репина.

общественные, экономические порядки» (В. П. Ленин), буржуазно-дворянского общества противоречит интересам народа. Этот перелом в мировоззрении Толстого привел его к «Посеву». «Я оторвался от жизни нашего круга, — писал Толстой, — признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен пожить жизнь не исключений, но нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа — того, который делает

Для Толстого жизнь трудового народа — это прежде всего жизнь крестьянства. «Все, что прежде казалось мне хорошим и высоким, — почести, слава, образование, богатство, сложность и утонченность жизни, обстановки, пища, одежды, внешних приемов — все это стало для меня дурным и низким, — мужичество, неизвестность, бедность, грубость, простота обстановки, пища, одежды, приемов — все это стало для меня хорошим и высоким». «Мужичество» Толстого определяет не только содержание, но и форму художественных произведений великого писателя. В процессе работы над «Воскресе-

нии» у Толстого он учился тенденциозному и активно отражающему действительность искусству, учился искренности и гневу.

Они уловили в выступлениях Толстого и то, что он осуждает только буржуазное искусство, служащее интересам привилегированных богатей, и ориентирует искусство на служение народу, на большие жизненные вопросы, на идеи, понятные и близкие всему трудящемуся народу. Гуманисты поняли, что Толстой возвращает искусству его критическую и вместе с тем его этическую, воспитательную функцию, и эта мысль стала ведущей нитью их эстетики и творчества.

Умерший в 1910 г. замечательный французский реалист Жюль Ренар с большой силой изображает распад буржуазной семьи, невозможность для ребенка буржуазной семьи реализовать свои душевные порывы, свою потребность в нежности и любви («Рыжик»). Природа у Ренара более человечна, чем люди, а крестьяне в ломотях обладают большим человеческим достоинством, чем состоятельные буржуа. Особенно по-толстовски звучит у Ренара разоблачение поэта, превратившего свое искусство в источник дохода («Паразит»), и апология бесхитростной и безыскусной речи.

Знаменитый датский писатель Андерсен-Нексе у Толстого научился своему неприятному компромиссу, ненависти к соглашательству. У Нексе, как и у Толстого, внутренний мир бедняка, человека из народа, всегда шире и богаче, чем внутренний мир буржуа. Как и у Толстого, в творчестве Нексе отчетливо выступает моралистическая линия, ненависть к соб-

ла «в мире-случайности» подол спорам о Толстом и о толстовских теориях опрощения и искусства. Беспомянутый реализм Толстого был воспринят в Америке как революционная сила, опасная для капиталистического порядка. В этой связи интересно замечание одного героя Гюго, который говорит, что издавать «Крейцерову сонату» столь же социально опасно, как и издавать книги, критикующие буржуазный строй. Писатель Гарленд, говоря об этой эпохе, пишет: «Мы ссылались на Писсена, требуя реформы театра, и мы ссылались на Толстого, требуя реформы общественных отношений».

Влияние Толстого усиливалось еще и потому, что в его творчестве писатели мира увидели возрождение большого искусства и монументального жанра. Толстой предстал перед писателями Запада, как восстановитель общественно-значимого сюжета, героического действия, мощного образа, широко обобщающего типа.

После Толстого нельзя было уже писать по-старинке, игнорируя тот громадный запас новых художественных приемов, которые выдвинул его гений. Его произведения становятся школой, по которой учатся мастерству.

Творчество Толстого явилось, таким образом, новой высотой в развитии мировой литературы, высшим кульминационным пунктом в развитии критического реализма, было шагом вперед в художественном развитии всего человечества» (Ленин, соч., т. 14, стр. 400).

*) М. Горький — «Материалы и исследования», т. 1, стр. 253.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Бесчисленные аресты, ссылки и казни, жестокая реакция, воспринятая в России после 1905 года, потрясли Толстого. Особенно тягостное впечатление произвело на него газетное сообщение о повешенных в Херсоне двадцати крестьянах. В этот день он был подавлен. 12 мая он запис в свой дневник:

«Вчера мне было особенно мучительно тяжело от известия о двадцати повешенных крестьянах. Я начал диктовать в фонограф, но не мог продолжать».

13 мая Лев Николаевич взялся за перо и своим размашистым почерком написал свое знаменитое «На могу молчать».

Он сделал в этот день первый набросок статьи, подвергнув его затем бесчисленным коренным переработкам. Работа продолжалась двадцать два дня. В результате — получилась рукопись, занимавшая около трехсот листов. В ней шесть законченных и восемь неполных редакций статьи. Больше всего труда Лев Николаевич положил на переработку первой главы, где дава картина повешения крестьян, и четвертой главы, где речь идет о борьбе правительства с революционерами.

Ниж мы впервые печатаем начало первой главы пятой редакции статьи.

Двадцать мужей, отцов, сыновей тех людей, на доброту, трудолюбии, простоте которых только и держится русская

☆
Проф. В. СПИРИДОНОВ

☆☆

жизнь, схватили, посадили в тюрьму, заковали в цепи, притащили к помосту висели и поставили их рядом перед генералами, прокурорами и человеком с длинными волосами, в парчевой ризе и с крестом в руках. На помосте хлопочет несчастный палач, соображая практические подробности предстоящего ему сложного дела. Более сотни таких же крестьян, как и те, которых будут вешать, только одетые в хорошие, чистые солдатские с погонами мундиры, с перекинутыми через плечи свернутыми шинелями и с ружьями в руках, с ухом глядя на то, что делается, стоят вокруг помоста. Главный начальник с крестом на шее говорит что-то. Говорит что-то о Христе и боге и человек с крестом и в парчевой ризе. И как только он кончил говорить, озабоченный, мрачный палач наводит на первого с края крестьянина саван и колпак и вводит его на помост. Там, озабоченно вскидывая глазами на блок, на веревку, на скамью — все ли как должно, — накладывает на шею тихо борющегося молитвы и крестьянское, сколько может, сконанной правой рабочей рукой взведен-

ного, накладывает ему двумя руками сверху колпак сколько нужно расправленную петлю и под локти вводит его на скамейку. И только что тот стал на нее, локвям движением выбивает скамейку из-под ног и сталкивает его с помоста, и тело, затиявая своей тяжестью веревку на шею, слегка покачиваясь, повисает в пустом месте перед помостом. И палач удовлетворен успехом дела и берется за другого. Тоже делается с другим, с третьим, четвертым... десятим... пятнадцатым... и, наконец, двадцатым. Начальство крикуствует. И когда тела уже замерли в неподвижности, и служивый врач, обходя их, по очереди ощупал их ноги и доложил начальству, что дело совершено, как должно — люди лишены жизни, все эти люди удаляются к своим обычным занятиям с сознанием добросовестного исполненного, хотя и неприятного, но необходимого дела. Застывшие тела снимают и зарывают.

Ведь это ужасно! И это делается не над одним, не нечаянно, не над каким-нибудь извергом, а над двадцатым, над двадцатью лучшими людьми русского народа, над двадцатью крестьянами.

Кто же, кто главный виновник этого ужасного дела, не в том смысле виновник, чтобы упрекать, наказывать его за эти дела, а в том смысле, чтобы указать ему его грех, чтобы он перестал делать его? Кто главный виновник!..

„МУЖИЦКИЙ ГОЛОС“

В. П. Ленин, в беседе с Горьким, очень ярко и точно выразил то новое, что внес Лев Толстой в сокровищницу мировой литературы: «Какая глыба, а? Какой матерый человек! Вот это, батенька, художник! И, знаете, что еще изумительно в нем? Его мужицкий голос, мужицкая мысль, настоящий мужик в нем. До этого графа — подлинного мужика в литературе не было, не было!».

Мужицкий голос Толстого вполне отчетливо прозвучал еще в 50-ые годы, в рассказе «Утро помещика». Молодой Толстой порывает с традицией ложной идеализации крестьянства; он рисует рутину и беспомощность, порожденные горьким влиянием рабства. Но тем не менее, сопоставляя быт крестьянства и великосветского общества, он отрицательно оценивает пороки последнего — «порождения роскоши и праздности» — и возмущивает жизнь трудового народа, ибо «труд — великий двигатель человеческой природы; он единственный источник земного счастья и добродетели».

Именно поэтому первый рассказ Толстого из крестьянской жизни был сочувственно встречен Н. Чернышевским.

В начале шестидесятых годов, в журнале «Ясная Поляна» Толстой указывает на непримиримую противоположность между интересами народа и господствующими классами: «интересы общества и народа всегда бывают противоположны; чем выгоднее одному, тем невыгоднее другому», — и заявляет, что он «склоняется на сторону народа».

Буржуазно-либеральные историки литературы немало потрудились над созданием легенды, что «Война и мир» характеризуется «исключительным оптимистическим приращением Толстого к преданиям старого дворянского быта». На самом деле и в «Войне и мире» с гениальной силой художественного выражения

☆
Проф. Д. ТАМАРЧЕНКО

☆☆

звучит мужицкий голос Толстого. «Война и мир» действительно отличается «оптимистическим пристрастием» к прошлому. Но это определяется не идеализацией «старого дворянского быта», а отрицанием буржуазного прогресса.

Конечно, для нас совершенно непримемлемы толстовское отрицание роли личности в истории, его философия фатализма. Но и в философии фатализма звучит мужицкий голос Толстого, ибо эта философия представляла своеобразное отражение заботности, отсталости, неподвижности патриархального крестьянства.

«Война и мир» показывает, что в борьбе России с Францией, в эпоху Отечественной войны 1812 года победу одерживает русский народ, что величие Кутузова заключается именно в том, что он воплощает в себе народные чаяния и стремления. И единственно положительной чертой в дворянах, изображенных в «Войне и мире» является лишь то, что родит их с народом. Положительное в дворянских образах «Войны и мира» есть воплощение каратаевщины в них. Самым положительным в Пьере Безухове является его способность понять и принять каратаевщину.

Слабость толстовской философии выразилась не только в публицистических рассуждениях писателя, но и в образах «Войны и мира». Однако, художественное содержание романа в значительной мере преодолевает слабые стороны толстовской философии. Так, например, Толстой утверждает философию застоя и неподвижности. А между тем, «Война и мир» дает изображение эпохи, отличаю-

щейся исключительной остротой исторического развития. Это несоответствие между содержанием «Войны и мира» и сознательными намерениями Толстого с наибольшей резкостью сказывается в изображении народа.

Известно, что Толстой идеализирует каратаевский пассивизм, каратаевское «непротивление злу». Но «Война и мир» содержит замечательные сцены, в которых Толстой изображает не пассивность, а, наоборот, активность и инициативность народных масс.

Эти и аналогичные противоречия между толстовской философией и художественным содержанием «Войны и мира» являются выражением блестящих побед реализма в творчестве великого писателя.

Хотя Толстой уже в 60-е годы стал выразителем идей и настроений патриархального крестьянства, в период работы над «Войной и миром» он лишь отрицал буржуазный прогресс и идеализировал патриархальное прошлое. Но в 70-е годы, когда все устои деревенской России стали резко и решительно ломаться, перед Толстым со всей остротой встал вопрос о классовых противоречиях между помещиками и крестьянством.

Писатель приходит к решительному отрицанию всех форм классового господства. Этот перелом в мировоззрении Толстого начинается в период работы над «Анной Карениной». В этом романе с той же гениальной силой, что и в «Войне и мире», но в новых условиях по-новому прозвучал мужицкий голос Толстого.

Константин Левин, герой «Анны Карениной», уже вполне осознал «фатальную противоположность интересов помещиков самым сплавляемым интересам крестьянства». Сначала Левин мучительно, но безуспешно бьется над преодолением противоположности экономических интересов дворянства и крестьянства, но в последней части романа оказывается, что «все современные государственные, церковные,

нием» Толстой записал в дневнике: «Сейчас ходил гулять и ясно понял, отчего у меня не идет «Воскресение»: ложно начато... Я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они — предмет, они положительное, а то — тень, то — отрицательное».

В непрерывной смене психологических настроений и состояний, которые рисует Толстой, естественным и истинным оказывается только народное; все же не народное — искусственно и ложно. Это — основной принцип толстовского реализма, с позиций которого Толстой отразил эпоху подготовки первой русской революции. Этот реализм представляет собой то новое, что внес Толстой в художественное развитие человечества.

А. М. Горький в своих известных воспоминаниях рассказывает, что Ленин, говоря о Толстом, спросил: «Кого в Европе можно поставить рядом с ним?», и сам себе ответил: «Никого!».

Историческая деятельность патриархального крестьянства в эпоху подготовки первой русской революции отличалась, как указывал Ленин, двойственностью, противоречивостью. Патриархальное крестьянство неадекватно самодержавию и протестовало против двойного гнета крепостничества и капитализма. Но порожденная этим гнетом пассивность, мягкотелость мешали найти, постигнуть революционные средства борьбы против буржуазно-дворянского строя жизни. Лев Толстой — гениальный выразитель идей и стремлений патриархального крестьянства — и в своих учениях, и в своем творчестве отразил это противоречие.

Одной стороны, Толстой решительно отвергает право помещиков на земельное владение: «земля не может и не должна быть собственностью неработающих на ней». С другой стороны, на вопрос, — как может и должна быть отнята земля у помещиков, — Толстой отвечает призывом не участвовать в землевладении.

С большой силой пронизательности Толстой рассматривает историю человечества, как историю классовой борьбы и порабощения большинства народа господствующим меньшинством: «одно средство порабощения сменяется только тогда, когда другое уже заменило его. Средства же этих несколько. И если не одно, то другое и иногда несколько этих средств вместе держат народ в рабстве». Но народу с этим Толстой утверждает, что история человечества есть история борьбы двух начал в человеке — разумного и животного.

С одной стороны Толстой подвергает гневной бичующей критике русское самодержавие и буржуазную государственную власть: «Не только русское, но всякое правительство я считаю сложным, священным преданием в обычае, учрежденным для совершения посредством насилия беззаконно самых ужасных преступлений: убийств, ограблений, спайания, одурения, развращения, эксплуатации народа богатыми и властвующими». С другой стороны, главный враг грубого произвола дикой власти, оказывается, не в этих ужасных преступлениях господствующих классов, а в душевном... состоянии тех людей, которые устанавливают, разрешают, предписывают это беззаконие».

Эти кричащие противоречия в мировоззрении Толстого определяют наше отношение к художественному наследству великого писателя, которое с исчерпывающей ясностью выразил Ленин: «Умер Толстой, и отсюда в прошлое революционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отшло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат».

Памяти писателя

Трудящиеся Советской Украины широко отмечают 30-летие со дня смерти гениального русского писателя Л. Н. Толстого. На предприятиях, в клубах, дворцах культуры организуются концерты и выставки, посвященные великому писателю, издательства готовят к печати произведения Толстого.

В Украинскую государственную филармонию поступило множество заявок на проведение юбилейных концертов. 20 ноября концерт, посвященный памяти Л. Н. Толстого, состоится в Доме культуры профсоюза работников госторговли; 24 ноября — в окружном Доме Красной Армии. Будут поставлены отрывки из «Живого трупа», при участии заслуженного артиста республики Романова и исполнен ряд вокальных и инструментальных номеров.

Две радиопередачи, посвященные гениальному художнику слова, организует в эти дни Украинский радиокомитет. В от-

ной из радиопередач будут транслироваться отрывки из романа Л. Н. Толстого «Воскресение» в исполнении народного артиста Союза ССР В. И. Качалова (запись на телефильм). Во второй передаче, после выступления великого писателя, будут исполнены отрывки из его повести «Смерть Ивана Ильича».

ХАРЬКОВ, 19. (ПАТАУ). В двух крупнейших библиотеках города — Центральной научной и им. Короленко открылись выставки, посвященные жизни и творчеству Л. Н. Толстого. Здесь экспонированы редкие издания произведений писателя, иллюстрации, критический материал. В Центральной научной библиотеке выставлены журналы «Современник», где впервые были напечатаны «Детство, отрочество и юность» и «Семастопольские рассказы», первое издание «Анны Карениной» 1877 года и др.